
ОЛЕГ ПАЛЕК
ДИВИНАТОРЫ
18+
ЭХО ПУСТОТЫ

Олег Палёк

Дивинаторы. Эхо пустоты

«Автор»
2026

Палёк О. А.

Дивинаторы. Эхо пустоты / О. А. Палёк — «Автор», 2026

Вторая, заключительная книга дилогии «Дивинаторы». Продолжение романа «Слепое пятно».Аркадий Прохоренко, которого Алекс Кремов спас от пули, теперь возглавляет Службу — и дает своему лучшему дивинатору странные задания: назвать даты событий, которые случатся на другом конце мира через год. Когда рухнет кровля хоккейной арены в Америке? Когда проснется вулкан? Зачем Службе знать, когда в Азии спустят на воду чужой корабль?В Америке спокойные люди без всякого мотива берутся за оружие. Чтобы найти источник, Алексу придется работать с братом, который семнадцать лет не может простить ему гибель матери, — и узнать, что след ведет домой, за стену соседнего кабинета.Тайный Орден Исполнителей. Зашифрованная летопись на тридцать восемь лет вперед. Шеф, которого никто никогда не видел. Сестра-призрак, которая начинает взрослеть. И пустота через тридцать лет, в которую упирается каждый, кто смотрит вперед.Будущее можно изменить. Но судьба предопределена.

© Палёк О. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Annotation 5
Конец ознакомительного фрагмента. 27

О. Палёк
Дивинаторы. Эхо пустоты

Annotation

Вторая, заключительная книга дилогии «Дивинаторы». Продолжение романа «Слепое пятно».

Аркадий Прохоренко, которого Алекс Кремов спас от пули, теперь возглавляет Службу — и дает своему лучшему дивинатору странные задания: назвать даты событий, которые случатся на другом конце мира через год. Когда рухнет кровля хоккейной арены в Америке? Когда проснется вулкан? Зачем Службе знать, когда в Азии спустят на воду чужой корабль? В Америке спокойные люди без всякого мотива берутся за оружие. Чтобы найти источник, Алексу придется работать с братом, который семнадцать лет не может простить ему гибель матери, — и узнать, что след ведет домой, за стену соседнего кабинета. Тайный Орден Исполнителей. Зашифрованная летопись на тридцать восемь лет вперед. Шеф, которого никто никогда не видел. Сестра-призрак, которая начинает взрослеть. И пустота через тридцать лет, в которую упирается каждый, кто смотрит вперед.

Будущее можно изменить. Но судьба предопределена.

Олег Палек
Глава 1 Формальность
Глава 2 Для модели
Глава 3 Кровля
Глава 4 Над текстом
Глава 5 Пустые трибуны
Глава 6 За штатом
Глава 7 Час
Глава 8 Брат
Глава 9 Без мотива
Глава 10 Вашу машину
Глава 11 Деньги с неба
Глава 12 Перебор
Глава 13 Операция
Глава 14 Чужими руками
Глава 15 Мать
Глава 16 Ты готов
Глава 17 Перепутал лекарство
Глава 18 Я видела
Глава 19 За стеной
Глава 20 Туман
Глава 21 Вероятно, я
Глава 22 Отчеты
Глава 23 Салют
Глава 24 Как вы просили
Глава 25 Синоптик
ПриложениеУстав Ордена Исполнителей

Олег Палек

Дивинаторы 2

Эхо пустоты

Жизнь можно понять, только оглядываясь назад. Но прожить ее можно, только глядя вперед.

Серен Кьеркегор, «Дневники».

Глава 1 Формальность

Первый снег выпал ночью, и к утру городок «Конторы» стал похож на макет из витрины. Крыши и сосны побелели, а расчищенные к началу смены дорожки чернели ровными линиями. Алекс смотрел на это сквозь стекло машины и думал, что снег — единственное, что падает здесь без всякого протокола. Михаил вел медленно и на каждом повороте пробовал тормоза. Трость он выбросил еще в октябре, но из машины по-прежнему выбирался в два приема. Алекс давно перестал делать вид, что не замечает.

Пневмолифт не работал: ночью в соседнем крыле выбило автоматы, и капсулу заклинило между этажами. Пришлось подниматься по лестнице и идти длинным коридором вдоль глухой стены. За ней начиналось соседнее крыло, с отдельным входом со двора и без вывески. Два года Алекс думал, что там бухгалтерия. Теперь он знал, что там Шестой сектор, и всегда шел здесь чуть быстрее.

Под ногами хрустнуло. Посреди коридора стояла стремянка, и электрик в синей куртке выкручивал из плафона цоколь с зубьями стекла. Вдоль стены тянулась россыпь осколков, мелких, как сахарный песок. Михаил молча обогнал Алекса и пошел первым, ступая по самому краю. После того, как Алекс насчитал девять пустых плафонов, он бросил считать.

— Всю ночь щелкали, — пожаловался электрик сверху. — Охрана говорит, как петарды. Я в октябре тут каждый божий день менял, потом перестали, думал — отмучился.

Зима, снег, «Контора», в которой опять лопаются лампы. Алекс

видел

это несколько недель назад, ночью на диване в кабинете, когда впервые заглянул на годы вперед. Картинка мелькнула среди других, и подумал он о ней тогда то же самое.

— Значит, будет работа, — сказал он вслух.

Михаил оглянулся на него и отодвинул стремянку на полшага, чтобы Алекс прошел подальше от плафонов.

Анна Владимировна уже сидела в приемной, строгая, в темном, с прямой спиной. Она подняла глаза от экрана и сказала то, что, видимо, приготовила с утра:

— Голосование в полдень. По телевизору сказали: «Формальность».

В углу, рядом с диваном, теперь стоял разрядник. Так его назвали в Шестом секторе, а Алекс про себя звал его банкой. Прозрачный цилиндр из многослойного плексигласа, выше человеческого роста, доверху засыпали тяжелыми стальными шарами, каждый с хорошую сливу. Привезли его вскоре после стадиона двое молчаливых техников, на тележке и без объяснений. С тех пор, стоило хаосу зашевелиться, шары начинали подпрыгивать и звенеть, как мелочь в копилке, которую трясут, а табло в основании отсчитывало удары. По замыслу банка забирала на себя мелкий хаос, тот, от которого слетал со спинки кресла свитер. Свитер слетал и теперь, разве что чуть реже, и Алекс считал банку бесполезной. Миле поставили такую же, только вместо шаров в ней стояли тонкие стекла, и лопались они с сухим щелчком, который

тоже кто-то считал. От обоих табло в стену уходил толстый кабель, а за стеной был Шестой сектор, и мысль о том, кто там читает эти цифры, нравилась Алексу еще меньше, чем звон.

В остальном в кабинете ничего не изменилось, только двор на окне-экране стал белым. Алекс поднял крышку компьютера и вызвал Хака. Тот ответил не сразу: лохматый, помятый, в растянутом свитере и с темными мониторами за спиной.

— Опять ты? — спросил Алекс. — У нас в коридоре ни одной целой лампы.

— Не я. — Хак потер глаза кулаком. — Я дома спал как младенец, а мой почерк дальше моей комнаты не бьет, учи матчасть. Я думал, ты. Ты ж теперь на годы смотришь, мало ли что у тебя от этого лопается.

— У меня вещи летают. Лампы — это по твоей части.

Хак хотел возразить и передумал. Алекс вспомнил октябрь, плохо и обрывками, как вспоминалось теперь все старое. Тогда сотни дивинаторов по приказу смотрели в одну точку, и утром и вечером корпус трясло. Лампы лопались каждый день, лифты застревали между этажами. Но тогда хотя бы было понятно, откуда это.

— Погоди, — сказал Хак и застучал по клавиатуре.

Стучал он долго. Потом поднял голову, и Алекс увидел у него на лице то, чего не видел с октября. Хак испугался.

— Приказа не было, — сказал он коротко. — Ни вчера, ни сегодня. Никто никому не велел смотреть.

Алекс перевел взгляд на мягкую стену, за которой через коридор начиналось соседнее крыло. Одна лампа лопается, когда рядом нервничает слабый дивинатор. Девять ламп за ночь без всякого приказа значат другое: кто-то смотрит, и смотрят многие, все в одну сторону. Оставалось понять, кто и куда.

Через час Анна Владимировна принесла чай и сочники, а по радио начались новости. Алекс держал приемник ради музыки и на сводках убавлял звук, но тут не успел. В Америке, в торговом центре на Среднем Западе, мужчина достал из сумки пистолет и начал стрелять. Инженер, пятьдесят два года, ни судимостей, ни долгов. Расстреляв обойму, он положил оружие на пол, сел на ящик с апельсинами и спокойно дождался полиции. Диктор дважды повторил слова шерифа: мотив не установлен. Алекс выключил радио и так и не надкусил сочник.

Чат мигнул почти сразу, словно шеф дожидался конца сводки.

Boss:

Новости слышал?

Alex:

Только что.

Boss:

Посмотри, будут ли еще такие. Неделя.

Ответить Алекс не успел. Постучав, вошла Анна Владимировна и посмотрела на нетронутый сочник.

— В приемной Кирилл, — сказала она. — Лично.

Это было что-то новое. Кирилл звонил, присылал сообщения, ждал у машины на месте операции, но в «Контору» не приходил ни разу. Он вошел, оглядел мягкие стены и банку с шарами с вежливым любопытством туриста и сел в кресло раньше, чем его пригласили. Сел так ловко, что невежливым это не выглядело. На коленях у него лежала тонкая серая папка. Серебряный щит страховой компании с обложки исчез. Похоже, Кирилл сменил место работы так же легко, как папку.

— Поздравлять пока рано, голосование в полдень. — Кирилл улыбнулся. — А просьба у меня сегодняшняя. Аркадий Петрович просит. Не задание — просьба.

Он положил на стол два листа. Показания рабочих, которые в апреле прошлого года меняли кровлю на старом доме у перекрестка и замуровали под стропилами ящик «с оборудованием провайдера». Алекс помнил их почти наизусть, хотя помнить ему теперь было трудно что угодно. Высокий или среднего роста, от сорока до семидесяти. Сходились рабочие в одном: вежливый.

— Аркадий Петрович хотел бы найти нанимателя, — сказал Кирилл.

— Я смотрю в будущее, а не в прошлое. — Алекс отодвинул листы. — Я еще весной объяснял это Стоймову. С прошлым у дивинаторов совсем плохо.

— Аркадий Петрович считает, что теперь вы видите дальше. — Кирилл вернул листы на середину стола. — Весной вы смотрели, где этот человек будет через неделю, а теперь, говорят,

видите

на годы. Если он жив, он где-то там есть. И Аркадий Петрович просил именно сегодня.

— Почему сегодня?

— Аркадий Петрович любит, когда вещи совпадают, — ответил Кирилл с таким видом, что переспрашивать стало неловко.

Алекс посмотрел на чат, где висела неделя на Америку, потом на два листа. Одно задание вытесняет другое, как одна картинка вытесняет другую, и выигрывает обычно то, что ближе и громче. Шеф поручил, а Прохоренко попросил. С полудня Прохоренко станет начальником всего корпуса, шефа в том числе.

— Анна Владимировна, — громко сказал он, — Михаила с машиной. И найдите Стоймова. Едем на чердак.

Двор за полгода почти не изменился, только снег сгладил площадку, бордюры и скамейку у подъезда. Стоймов ждал у двери, в пятнистой куртке поверх бронежилета, и, как всегда, начал с главного.

— Докладываю. Сервер управления — в другом полушарии, арендован фирмой-однодневкой, фирма закрыта. Из четырех рабочих нашли тех же двоих, остальные уехали домой и дома не появлялись. Деньги наличные. — Майор помолчал. — Его самого не нашли. Двое видели человека в упор, и ни один не может описать.

— Крыши, чердаки и прочие высоты, — сказал Михаил, глядя на слуховое окно под коньком. — Первое, чего мы избегаем. Ты сам это в отчетах пишешь.

— Я в отчетах пишу то, что шеф хочет прочитать.

— Тогда я иду первый. — Михаил шагнул в подъезд и стал подниматься, на каждой второй ступеньке припадая на больную ногу.

На чердаке пахло холодом, пылью и свежим цементом. В свете фонаря Стоймова Алекс разглядел то, о чем полгода читал в рапортах. Посреди темной кладки светлел прямоугольник нового кирпича: нишу весной вскрыли, а потом заложили снова. В стекле слухового окна, выходившего на улицу, осталось аккуратное круглое отверстие, сквозь которое задувало снег. С балки над ним свисал обрезок черного кабеля провайдера, похожий на крысиный хвост. Отсюда весной стреляли в человека, который в полдень станет начальником Службы. Алекс тогда сделал так, что пуля попала в пустое сиденье.

Он шагнул к окну и со всего маху приложился лбом к поперечной балке. Чердак строили для голубей и кровельщиков, и рост за метр восемьдесят в расчет не входил. Михаил дернулся к нему, Стоймов запоздало сказал: «Тут низко». Алекс потер лоб и решил, что легко отделался.

Он сел на перевернутый ящик и закрыл глаза. Смотреть в прошлое он не умел, но Кирилл был прав: если этот человек жив, его можно найти в будущем. Алекс

посмотрел

на двор широко, на годы вперед, насколько хватало. Весной он так еще не умел.

Двор послушно раскрылся. Дети лепили крепость у скамейки, а потом они же с рюкзаками бежали мимо нее в школу. На доме лежала новая кровля, рыжая, и на нее зиму за зимой падал снег. Через много лет во двор зачем-то пришел Стоймов. Седой, без погон, в гражданской куртке, он долго стоял у подъезда, задрав голову. Чужие свадьбы и переезды проходили перед Алексом с небывалой четкостью. За эту осень дар вырос сильнее, чем за все прошлые годы. Нанимателя не было нигде. Алекс искал его, как ищут знакомое лицо на вокзале, год за годом. И каждый раз натыкался на гладкое место посреди людной картинки. Человека будто вырезали ножницами из всех фотографий, а края загладили. В апреле он себе это объяснил: уехал или умер. Объяснение и тогда казалось слишком гладким, а теперь не годилось вовсе. Тот, кто уехал, все равно где-то проходит, хоть краем, хоть спиной в толпе. Этот не проходил ни разу. Значит, он сильнее. Сильнее Алекса, который, если верить слухам, стал одним из трех сильнейших в «Конторе».

Обрезок кабеля над окном качнулся без всякого ветра и пополз вверх по балке. Михаил шагнул ближе и встал так, чтобы между Алексом и окном оказалось его плечо.

— Ну что, синоптик, — сказал Стоймов, глядя на кабель. —

Точно

не видишь?

— Точно, — ответил Алекс.

Слово вышло легко, без скрипа зубов. Только потом он понял, что сказал «точно» и сам в это поверил — о собственной слепоте.

У Стоймова в кармане звякнул телефон, у Алекса тоже. Новость пришла одна и та же, одной строкой: Аркадий Прохоренко утвержден руководителем Службы государственной защиты. Майор прочитал и убрал телефон, ничего не сказав. Алекс еще несколько секунд смотрел на экран. Он сидел посреди чердака, откуда весной целились в этого человека.

Стоймов ушел первым, через соседний подъезд: протокол он знал не хуже Михаила. Алекс с Михаилом вышли во двор пешком, не торопясь, подальше от крыш и люков. Легко сказать — подальше от крыш, когда стоишь на дне двора-колодца.

Первым поехал снег. Над головой раздался тяжелый мокрый шорох, и Михаил толкнул Алекса плечом к стене. Подтаявший пласт с кровли обрушился нейтралу на спину. Михаил качнулся, припал на больную ногу, отряхнулся по-медвежьи и пошел дальше.

Через двадцать шагов под ногами зашипело. Из-под крышки люка теплосети ударил белый столб пара, и чугунная крышка, подпрыгнув, встала на ребро. Она покатилась прямо на них, тяжелая, как мельничный жернов. Михаил шагнул ей навстречу, и крышка ударила его по больной ноге. Он зашипел сквозь зубы громче пара, но устоял.

Последними взлетели голуби. Стая из-под карниза ударила им в лица облаком перьев и крыльев, и Алекс шагнул прямо к раскопанной яме у бордюра. Михаил поймал его за воротник и вернул на дорожку, как возвращают на тротуар зазевавшегося ребенка.

Свой хаос Алекс еще не

видел

, эти секунды принадлежали Михаилу. Алексу оставалось идти, куда ведут, и не делать резких движений. В ближнем бою один из трех сильнейших дивинаторов «Конторы» был просто человеком с шишкой на лбу.

Они прошли соседний двор, где весной Хак нашел две минуты чистого порядка. Двенадцать «умных» счетчиков висели в ряд на стене подстанции, серые, в снежных шапках, как солдаты в строю. Алекс остановился и посмотрел на них, сам не зная, чего ждет. Он не почувствовал ничего: ни апрельской досады, ни тяжелого спокойного взгляда в затылок.

За аркой Михаил вытряхнул из-за воротника остатки снега и сказал:

— Вышли.

Сказал он это так, как говорят «живы», и Алекс не стал спорить.

Вечером пневмолифт починили, а коридор у глухой стены осветился новыми лампами. Тогда же позвонил Кирилл. Алекс ждал этого звонка весь день и приготовил речь о прошлом, с которым у дивинаторов плохо. Он был уверен, что услышит вежливое разочарование, в которое Кирилл заворачивает раздражение, как нож в салфетку.

— Аркадий Петрович так и думал, — сказал Кирилл, выслушав короткий отчет. — Благодарит.

— За что? — не выдержал Алекс. — Я никого не нашел.

— Это тоже результат, — мягко сказал Кирилл. — Всего доброго.

Через минуту мигнул чат.

Boss:

Америку посмотрел?

Alex:

Нет. Был на чердаке.

Boss:

Знаю.

Шеф отключился. Алекс смотрел на это «Знаю» и перебирал, кто мог доложить. Выходило, что кто угодно, и легче от этого не становилось. Шеф всегда знал больше, чем говорил, но обычно хотя бы делал вид, что спрашивает.

Он подошел к окну-экрану. Во дворе горели фонари, и снег под ними был желтым, как старая бумага. В апреле он сказал Тане: «В гробу я

видел

этого бизнесмена». Сказал зло и со смехом, потому что так и было, буквально: он

видел

, как этот человек падает, сраженный пулей. Теперь человек, которого он вынул из гроба, стоял над Стоймовым, над шефом и над всей «Конторой». И этот человек был доволен, что Алекс ничего не

увидел

. Обычно заказчики благодарят за то, что ты увидел. Алекс долго стоял у экрана и пытался понять, что он сегодня отдал вместе со своим единственным «точно» и кому.

Глава 2 Для модели

Кирилл пришел в начале декабря, в среду, и на этот раз Анна Владимировна объявила о нем без всякого «лично». Второй визит за неделю превращался в привычку. Кирилл не стал снимать пальто, на плечах у него таяли снежинки. Он сел в то же кресло, так же ловко. Из серой папки появился один лист бумаги, и Кирилл положил его на стол, разгладив ладонью. Пять строк, напечатанных крупно, как для слабовидящих, и сверху только год — «2027». Дат в строках не было.

Алекс взял лист и, сам того не заметив, начал читать вслух. Привычка была старая: так он читал сообщения шефа, когда злился. Анна Владимировна за дверью слышала все и давно записывала все, что слышит.

— «Обрушение кровли хоккейной арены. Америка, город на Великих озерах». «Выборы в парламент. Европа». «Извержение вулкана, закрытие воздушного пространства». «Публикация, подтверждающая данные ускорителя». «Спуск на воду большого судна. Азия». — Он поднял глаза. — Это что?

Кирилл скосил взгляд на дверь в приемную, за которой стояла тишина, но ничего про нее не сказал.

— Для модели, — сказал Кирилл. — Машине нужны дальние прогнозы с датами, чтобы откалибровать горизонт. Год вперед она пока считает плохо, а вы теперь видите на годы.

Машина. Алекс помнил, что она сделала в октябре из семи осторожных «не знаю»: восемьдесят семь процентов обвала и закрытую биржу. Помнил и то, что учили ее на чужих весах, скачанных два года назад неизвестно откуда. Теперь эта машина хотела знать, когда в Азии разобьют бутылку о борт.

— Чья модель? — спросил Алекс. — Та же самая, что в октябре?

— Модель Службы, — сказал Кирилл тоном, каким объясняют ребенку, что снег белый. — Ее дообучают. Ей нужен разброс: разные страны, разные события, разные люди. Чем дальше и пестрее, тем лучше калибровка. Я в этом, признаться, понимаю немного, но аналитики говорят именно так.

— Арену отложим, — сказал Алекс. — Там люди. Отдельно.

— Почему отдельно? — вежливо поинтересовался Кирилл.

— Потому что если кровля рухнет на людей, это уже не калибровка. — Алекс положил лист на стол и прижал его ладонью, как будто тот мог улететь. — Это предупреждение, и давать его надо шефу. Машине тут делать нечего.

— Разумеется, через шефа. — Кирилл не стал возражать, и это насторожило больше любого спора. — И выборы — не вам. Скаковой.

— У нее условие. Выборы и пиар она не смотрит.

— Аркадий Петрович в курсе условий, — мягко ответил Кирилл и поднялся.

Когда дверь за ним закрылась, Алекс еще долго смотрел на лист. Пять кусков чужого года, разбросанных по всему глобусу, и ни в одном не сказано, зачем Службе знать о них заранее. Раньше задания были про людей, которых надо спасти или на которых надо поставить деньги. Здесь вместо них были строки. Он решил начать с вулкана. Там, по крайней мере, людей нет.

Работать он остался до ночи. Радио выключил: музыка помогала отвлечься, а сегодня отвлекаться было опасно. Михаил дремал в приемной, Анна Владимировна, как всегда, не уходила, пока Алекс работает. Он лег на диван, подтянул плед и закрыл глаза. Начинать надо было с самого события, а уж потом искать вокруг него приметы. Алекс

посмотрел

на вулкан.

Вулкана не было. Гора, которая плюется огнем, прекрасно обходится без людей, и в картинке ей не нашлось места. Алекс не огорчился и стал искать тех, кому этот вулкан испортит жизнь. Таких нашлось много. Огромный стеклянный зал аэропорта был набит под завязку. Люди сидели на чемоданах, спали на полу, подложив под голову куртки, а очереди к стойкам загибались и терялись в толпе. У окна, прямо на полу, спал пилот в форме, накрыв лицо фуражкой. Пожилая пара делила на двоих один бутерброд, аккуратно, по-честному, отмеряя половину пальцем. Над головами висели длинные черные табло, и все были пустые: текста Алекс не

видел

никогда, даже на расстоянии вытянутой руки. Он пошел вдоль очереди, вглядываясь в лица, и это оказалось ошибкой.

Толпа сомкнулась вокруг него. Пахло кофе из автомата, мокрыми куртками и чужими духами. Где-то рядом плакал ребенок, и мать устало повторяла одно и то же слово на незнакомом языке. Девушка с рюкзаком сидела на полу и смеялась, потому что ничего другого ей не оставалось. Ноги у Алекса гудели от долгого стояния. Он поймал себя на том, что ищет в кармане посадочный талон. Алекс сам не понял, когда встал в очередь, и подумал, что надо позвонить Михаилу, предупредить, что рейс задерживают. На секунду он не мог сказать, где находится. Где-то очень далеко, в другом времени, скрипнул стол.

— Вы меня слышите?

Голос Анны Владимировны пробился сквозь толпу, ровный и негромкий, как объявление о посадке. Алекс открыл глаза. Над дверью мигала красная лампа сигнализации, а свитер висел на мягкой стене под самым потолком и медленно сползал вниз. Ножки стола скрипели, упираясь в болты, в углу вовсю звенела банка, и цифры на ее табло бежали, как на бензоколонке. Анна Владимировна стояла на пороге с блокнотом в руке. Из-за ее плеча заглядывал Михаил, готовый ловить все, что полетит.

— Вы сказали: «Позвоню Мише, рейс задерживают», — повторила она слово в слово. — Я решила, что лучше вас окликнуть.

— Правильно решили, — сказал Алекс и сел. Во рту было сухо, как после долгого перелета.

Михаил молча прошел к стене, снял сползающий свитер и бросил его в угол, на обычное место. Красная лампа над дверью погасла. Охранник внизу, наверное, уже выругался и вернулся к кроссворду. В этом кабинете сигнализация срабатывала чаще, чем в любом другом.

Смотреть снова он не стал, расчет пошел по тем обрывкам, которые еще держались. Люди в аэропорту были одеты легко, куртки несли в руках. У тех, кто застрял на пересадке по дороге с юга, загар был свежий, только на лицах и руках. В толпе мелькало много детей со школьными рюкзаками, значит, учеба еще шла и каникулы не начались. В киоске у выхода на посадку продавали черешню в бумажных стаканчиках, первую, еще бледную. Для апреля слишком тепло, для лета слишком рано. Первая черешня поспевает на юге к концу мая, не раньше, — значит, вторая половина месяца.

— Май, — сказал он. — Вторая половина. Запишите.

Анна Владимировна записала, хотя забыть это слово ей было бы так же трудно, как любое другое.

И еще одно Алекс понял, пока говорил: никто в том зале не умрет. Люди проспят ночь-другую на полу, съедят все бутерброды в киосках, опоздают на свадьбы, на похороны и разлетятся. Вулкан не остановишь, предупреждать тут некого и не о чем. Значит, действительно для модели. Он посидел еще немного, глядя на мягкую стену. Вулкан, которого он так и не увидел, оказался самым людным местом за всю его практику.

Наутро он взялся за ускоритель, потому что там хотя бы были знакомые лица. Картинка пришла легко, его там явно ждали. Зал управления с длинным пультом, мониторы, кружки с недопитым чаем. У пульта сидел тот самый старый физик, который в ноябре боялся только ответа. За окном стояли березы в первой зелени. Катя, уже без своей смешной вязаной шапки, хохотала, глядя в его монитор, а старик что-то ей говорил. До Алекса долетел обрывок фразы, звук без начала:

— ...как будто ответ пришел раньше вопроса.

Алекс усмехнулся, не открывая глаз. Ответ раньше вопроса — вся его профессия в пяти словах. Физики, видно, тоже научились шутить про синоптиков. Березы в первой зелени давали конец апреля.

Он полежал еще немного, не уходя из картинки. Старик был жив, весел и, кажется, впервые за много лет выспался. Интересно, испекла ли Катя тогда, в ноябре, свой торт с кремовыми магнитами. Судя по смеху, ответ ей понравился. Хорошо было смотреть на людей, у которых все в порядке. Алекс отвык от такой работы.

Судно уложилось в две строки. Серый корпус на стапеле, бутылка, брызнувшая осколками о борт, и рабочие верфи в одинаковых касках. Над трибуной для гостей висели красные фонари, на столах лежали мандарины, а гости уходили с красными конвертами и коробками подарков, как уходят в последнюю неделю перед праздником. До их Нового года оставалось

несколько дней, значит, начало февраля. Он написал дату Кириллу и, не дожидаясь ответа, добавил вторую строку.

Alex:

Зачем Службе дата спуска чужого корабля?

Kirill:

Для модели.

Алекс смотрел на эти два слова и думал, что за два года в «Конторе» он задавал этот вопрос сотни раз. Себя он спрашивал по ночам, на диване, после каждого дела. Заказчика спросил впервые.

Расчеты он отнес в приемную. Анна Владимировна взяла листок с датами, потом лист Кирилла и достала из ящика тетрадь в клеенчатой обложке. Почерк у нее был ровный, как по линейке. Сначала она надписала число и время, четырнадцать двадцать, потом стала переписывать список, строку за строкой.

— Вы же его слышали еще в среду, — сказал Алекс. — Я читал вслух.

— Тогда я записала, что слышала. — Анна Владимировна не прервала письма. — Теперь записываю, что написано. Это разные вещи.

На первой же строке ее рука остановилась. Всего на секунду: ручка повисла над бумагой, и Анна Владимировна смотрела на слово «арена», будто узнала знакомого в толпе. Потом ручка пошла дальше.

— Что-то не так? — спросил Алекс.

— Нет. — Она не подняла глаз. — Пишу.

Он постоял у стола, глядя, как ровные строчки ложатся одна под другую, и ушел к себе. Переспрашивать Анну Владимировну было бесполезно: она отвечала один раз, и запоминать ответ приходилось ему. На полке за ее спиной ровным рядом стояли такие же тетради. Он никогда не спрашивал, что в них, кроме него самого.

Мила позвонила за полночь, как звонила каждую ночь с того дня на стадионе. Обычно она начинала с ерунды: Гоша опять уснул в каске, техник из Шестого сектора опять унес из ее банки мутную кассету с битыми стеклами и вставил прозрачную, а в окне все равно новая трещина, похожая на ежика. Сегодня начала сразу.

— Мне отдали выборы. Европа.

— И?

— Отказалась. — В трубке тихо звякнуло стекло. — Кирилл напомнил про статью. Очень вежливо, ты бы оценил. Прогнозирование без лицензии, а их выдают они. Я сказала про условие, а он улыбнулся и сказал, что Аркадий Петрович в курсе.

Алекс узнал фразу. Кирилл не утруждал себя разнообразием: одни и те же гладкие слова он раздавал всем, как визитки. Он сел в постели и нащупал на тумбочке выключатель, но свет зажигать не стал.

— Я поговорю с шефом. Ты на этом условии пришла в «Контору», они его слышали.

— Не надо, Синоптик. — Голос у Милы был спокойный, почти веселый. — Это мое условие, не твое. Я его поставила, мне за него и отвечать. Полезешь — тебя тоже чем-нибудь припугнут, и будем мы под статьей вдвоем, как приличная семья.

— А ты что будешь делать?

— Посмотрю, что будет. Без всякого дара, как нормальные люди. — Она помолчала. — Спокойной ночи.

Она отключилась первой. Алекс еще долго сидел в темноте с телефоном в руке. Полкилометра, сосны и правила «Конторы» отделяли его от окна, в котором сейчас, наверное, рас-

ползалась по стеклу новая трещина. Он представил, как Гоша утром будет докладывать о ней с серьезным лицом, и не смог улыбнуться.

Написать шефу он все-таки решил. Было за полночь, но шеф, кажется, всегда был в сети.

Alex:

Договоренность со Скаковой в силе?

Boss:

Решение принято не мной.

Эти слова Алекс видел от шефа второй раз. В первый раз, в октябре, после них вся «Контора» стала смотреть на ускоритель. Теперь шеф не добавил даже «смотри».

В новостях на телефоне одна строка зацепила глаз. В Америке снова стреляли, на этот раз на заправке: стрелок пойман, мотив не установлен. Алекс вспомнил, что так и не

посмотрел

, будут ли еще такие. Неделя, которую дал ему шеф, давно кончилась, и больше шеф о ней не напоминал.

Не мной — значит, кем-то выше. А выше шефа с недавних пор сидел человек, которого Алекс в апреле вынул из гроба и который очень любит, когда вещи совпадают. Алекс положил телефон экраном вниз и долго смотрел в потолок, где по-хорошему должна была висеть люстра, но в его квартире, как и в кабинете, ничего не висело.

Утром он пришел в кабинет раньше Анны Владимировны. Лист Кирилла лежал на столе, исчерканный его пометками: май, апрель, начало февраля, а против выборов прочерк и фамилия Милы. Нетронутой осталась только первая строка, про кровлю в городе на Великих озерах. Алекс придвинул лист поближе, включил радио погромче, лег на диван и закрыл глаза.

Глава 3 Кровля

В то утро, после звонка Милы, у него так ничего и не вышло: стоило закрыть глаза, как в голову лезли статья, выборы и Кирилл. Первая строка списка пролежала на столе еще неделю. Алекс брался за нее каждый вечер и каждый вечер находил дело поважнее. То отчет для шефа, то звонок Хаку, то сочник, который нельзя оставить остывать. Анна Владимировна ничего не говорила, только уносила по утрам пустые тарелки. В середине декабря он понял, что сам себя обманывает, выключил радио, лег на диван и закрыл глаза.

Сначала он

увидел

парковку. Вечер, снег под фонарями желтый. Сугробы вдоль рядов машин поднимались выше крыш: их сгребли тракторами и бросили как есть. На столбах еще висели гирлянды, мигали красным и зеленым. У главного входа лежал на боку надувной снеговик в цилиндре, сдувшийся до половины, и люди обходили его, не глядя. Кто-то пнул его ногой, и снеговик медленно перекатился на спину. Алекс прошел сквозь стеклянные двери вместе с толпой, и арена открылась сразу, без тумана, яркая и громкая. Чаша трибун уходила под самый купол, и вся она была заполнена людьми. Хозяева в темной форме кружили у чужих ворот, гости в белом отбивались, и каждый удар клюшки отзывался на трибунах ревом. Гремела музыка, над льдом висел огромный куб с экранами, на которых Алекс, как всегда, не мог прочитать ни цифры.

Пахло попкорном, мокрой шерстью и холодом, который поднимался ото льда и забирался под куртки. Торговец с лотком пива пробирался между рядами, высоко подняв поднос над головами. На экранах куба крупным планом показывали зрителей, и пары на трибунах, увидев себя, смущенно целовались под общий свист. Алекс поднял голову. Под куполом тянулись стальные фермы, белые от инея. Над ними, он это знал, лежала крыша, на которую неделю валил снег. Он чувствовал этот снег, как чувствуешь чужую руку на плече: тяжесть без формы и без лица.

Звук пришел раньше всего остального. Долгий, низкий стон металла над головой, будто где-то под куполом медленно гнули рельс. Внизу его не слышал никто: музыка играла громче, трибуны орали, мальчишки колотили в пластиковые барабаны. Алекс слышал только его. Он хотел крикнуть, хотя знал, что крикнуть здесь нельзя. Его не было на этих трибунах, и кричать было некому и нечем. Потом кровля прогнулась. Медленно, почти лениво, как мокрая простыня, которую повесили на веревку между двумя шестами. Куб с экранами качнулся и пошел вниз. Над ним, в разрыве, мелькнуло черное небо и белая струя снега.

Одно лицо Алекс

увидел

отчетливо, как на фото высокого разрешения. Мальчишка лет четырнадцати, с брекетами, в темной футболке хозяев, стоял на кресле и махал самодельным плакатом. Он смотрел на лед и смеялся. Все остальное Алекс додумал сам, как додумывают сон под утро. И знал, что додумал верно.

Он открыл глаза сам, без сигнализации и без голоса Анны Владимировны. Свитер висел под самым потолком, распластавшись по мягкой стене, как сушеная рыба. Стол отъехал на полметра, насколько позволили привинченные ножки, и один болт торчал из пола, вывернутый наполовину. Банка в углу еще позванивала, остывая, на табло горело трехзначное число, и Алекс в который раз подумал, что пользы от нее как от зонтика в ураган. В ушах еще стоял тот стон. Шея ныла так, точно он и правда весь вечер просидел, задрав голову к куполу. Алекс сел и долго смотрел на вывернутый болт. Вулкан был пробкой в аэропортах, судно было бутылкой о борт, физик был смехом Кати. Из пяти строк Кирилла люди гибли только в одной.

Утром он вызвал Хака. Тот был лохматый, как всегда, и жевал что-то хрустящее, не отрываясь от второго монитора.

— Привет, ясновидящий. У тебя лицо, как будто ты всю ночь смотрел хоккей.

— Так и есть. Найди мне одну команду.

Он стал перечислять, что держалось в памяти, пока держалось. Город на Великих озерах, крытая арена с кубом над льдом. Хозяева в темной форме, гости в белой — по форме соперника не узнать, в белом выезжает полстраны. Сугробы на парковке выше машин, гирлянды на столбах, сдувшийся снеговик у входа, которого никто не удосужился убрать.

— Праздники кончились, а прибраться не успели, — сказал Хак, перестав жевать. — Значит, январь. Первые недели.

— Сам знаю. Мне нужен день.

— А зачем тебе вообще хоккей? — Хак наконец оторвался от монитора. — Ты ж его не смотришь, ты в прошлом году про офсайд у меня спрашивал.

— Список Кирилла. Для модели. Машине нужны дальние даты.

— Для модели, — повторил Хак и скривился, как от зубной боли. — Той самой, на чужих весах. Я бы ей, знаешь, даже прогноз погоды не доверил. Ладно, давай свою команду.

Хак застучал по клавиатуре и минут десять бормотал что-то про расписания, базы данных и лиги, в которых черт ногу сломит. Потом вывел на экран три строчки.

— Вот твоя команда, если это она. После праздников у них три домашних матча подряд, с разницей в неделю. Все вечерние, все при полном зале. Дальше выезд на три недели, так что больше не будет. Точнее, извини, не умею, учи матчасть сам.

Алекс закрыл глаза и прогнал все три даты по очереди. Ни одна не перевешивала: так бывает, когда событие еще далеко. Зато сама кровля не менялась, куда бы он ни поворачивал картинку. Она падала одинаково, медленно, с тем же стоном, с тем же кубом, уходящим вниз. Менялись только трибуны. В одном варианте будущего зал был полон. В другом полон наполовину. В третьем ряды стояли пустые, и снег сыпался на голубые кресла, на которых никто не сидел.

Он открыл глаза. Хак смотрел на него с экрана, забыв про свой хруст.

— Ну?

— Крышу не спасти, — сказал Алекс. — Людей можно.

— Так бывает?

— Редко, но бывает. — Алекс потер переносицу. — Когда событие не хочет меняться, сколько его ни толкай. Тогда меняется все вокруг него.

— А кто их выведет?

— Не знаю. — Алекс и правда не знал. В том варианте, где трибуны стояли пустые, людей не было и у входа. Кто-то сделал так, что зрители ушли, и этого кого-то в картинке не было. — Кто-нибудь выведет. Важно, что такой вариант есть.

Хак присвистнул и ничего не сказал, что для Хака было равносильно длинной речи. Три даты висели на его экране, и ни одну нельзя было назвать главной. День, понял Алекс, придет только ближе к матчу, когда событие подойдет так близко, что его можно будет потрогать.

Кирилл пришел после обеда и снова не стал снимать пальто. Он взял листок с тремя датами, внимательно прочитал, сложил пополам и убрал в серую папку. Движения у него были аккуратные, как у фокусника, который не собирается ничего показывать.

— Спасибо, — сказал он. — Аркадий Петрович будет доволен. Это хорошая работа.

— Там будут люди, — сказал Алекс. — Если ничего не делать, полный зал. Я видел вариант, где трибуны пустые. Значит, людей можно вывести.

— Меры не требуются, — ответил Кирилл так же вежливо, как благодарил. — Не наша юрисдикция. Модели нужна дата.

— Там дети на трибунах.

— Я понимаю. — По лицу Кирилла нельзя было сказать, понимает он или нет. — Но это чужая страна и чужая крыша. У них есть свои инженеры, свои службы и свои, простите, гадалки. Мы не можем звонить в американскую полицию с прогнозом погоды.

— Если я не скажу, а кровля упадет на людей, это будет на мне.

— На вас будет дата, — мягко поправил Кирилл. — Вы ее назвали, и назвали хорошо. Остальное решают другие люди, и им за это платят. Поверьте, Аркадий Петрович очень не любит, когда сотрудники несут на себе то, что им не положено. Это вредно для здоровья, а ваше здоровье теперь государственное.

Он улыбнулся собственной шутке и поднялся. У двери Кирилл обернулся, и на секунду Алексу показалось, что он скажет что-то еще, не такое гладкое. Но Кирилл только кивнул, попрощался и вышел. В приемной коротко звякнула ложечка о блюдце: Анна Владимировна убирала поднос.

Алекс сидел и смотрел на пустое кресло. Можно было сделать по-другому, и он знал как. Один пост в «Провидце», три даты, город на Великих озерах — и сотни тысяч подписчиков разнесут его по всему миру за час. Зрители сдадут билеты, журналисты начнут звонить в клуб, клуб проверит кровлю. А дальше на эту арену станут смотреть все, кто хоть немного умеет смотреть. Фанаты, гадалки, чужие службы, свои аналитики, Шестой сектор за стеной. Туман сгустится, как в октябре над ускорителем, а в тумане день не найдешь никогда. Три даты так и останутся тремя датами, и в одну из них полный зал будет смотреть на лед.

Алекс выдвинул ящик стола. Там, под старыми распечатками, лежал сложенный вчетверо лист. Записка Ремезова. Он не перечитывал ее с весны и сейчас перечитывать не стал. Тогда, у камина, он уже выбрал однажды людей вместо приказа. Соврал Кириллу в глаза, сказал «точно», и хоспис получил свои деньги. Официальный путь был закрыт и тогда.

Шефу он написал ночью, когда «Контора» опустела, а за окном-экраном горели только фонари во дворе. Решиться было труднее, чем написать. Кирилл говорил от имени Прохо-

ренко, а тот теперь был начальником шефа. Писать шефу против Кирилла значило нарушение субординации. В «Конторе» за такое не увольняли; просто переставали давать задания, и через полгода человек сам просился на пенсию.

Еще весной Алекс подозревал, что шеф работает не только на государство, но и немного на Прохоренко. Может, Кирилл и шеф вообще говорят одним голосом, а «меры не требуются» шеф придумал сам. Тогда письмо уйдет туда же, откуда пришел отказ, и только покажет, что Алекс не умеет держать язык за зубами. Он подумал об этом, потом подумал о мальчишке с брекетами и открыл чат. Писал долго, стирал, начинал заново. В конце концов отправил все как есть: арену, кровлю, три матча, варианты с пустыми трибунами, слова Кирилла. Последней строкой добавил то, что вертелось на языке весь день.

Alex:

Там будут люди. Кирилл говорит, меры не требуются. Я с ним не согласен.

Ответа не было долго. Алекс успел встать, пройтись по кабинету, поднять свитер с пола и снова бросить его в угол. Обычно шеф отвечал за секунды, иногда раньше, чем Алекс дописывал вопрос. Сейчас курсор в чате мигал, и рядом с именем шефа ничего не происходило. Алекс представил его за таким же столом, в таком же кабинете без окон, перед таким же экраном. Представил, как он сидит и молчит. Это было непохоже на шефа, которого он знал по двум годам переписки.

Boss:

Уйдет. Не через Службу. Дату уточнишь за сутки до матча.

Alex:

Через кого уйдет?

Ответа не было. Шеф отключился.

Алекс перечитал три коротких предложения. «Не через Службу». За два года шеф ни разу не упоминал, что у него есть что-то помимо Службы. Свои аналитики, свои силовики, свой Стоймов, свой Кирилл — все шло по одному каналу, через одну «Контору». Оказалось, что есть второй канал, о котором Алекс не знал. Канал, по которому предупреждение о кровле в чужой стране может уйти туда, куда не дотянется Кирилл с его «не наша юрисдикция». Он не знал, радоваться этому или бояться. Два года он писал отчеты человеку, которого никогда не видел. И считал, что знает про него хотя бы одно: шеф — это «Контора», а «Контора» — это шеф. Теперь выходило, что у шефа есть дверь, о которой не знает даже новый начальник Службы. Или знает, но не держит ключа. Записку Ремезова он положил обратно, под распечатки, и задвинул ящик. В январе, накануне одного из трех матчей, нужно будет смотреть еще раз. Близко, в упор, так, чтобы событие можно было потрогать. Алекс записал это на листке, сложил листок пополам и сунул в карман, чтобы не просить Анну Владимировну запомнить.

В приемной дремал Михаил, положив руки на колени. Он открыл глаза, как только скрипнула дверь, и поднялся.

— Домой?

— Домой, Миша. — Алекс натянул свитер. — В январе будет работа. Готовь бронежилет потяжелее.

Михаил кивнул так, будто ему пообещали премию, и пошел вперед, проверять лифт.

Глава 4 Над текстом

Совещание назначили на девять утра первого рабочего дня после праздников. «Контора» еще не проснулась. В коридорах пахло мандариновыми корками и хвоей, охрана на проходной зевала в кулак. Даже Анна Владимировна пришла на пять минут позже обычного. Алекс сидел за столом в свитере, с кружкой остывшего чая, и смотрел, как экран делится на маленькие окошки. Руководители секторов включались один за другим. Кто-то сидел на фоне книж-

ных полок, кто-то на фоне голой стены, у одного за плечом мигала забытая елочная гирлянда. Окошко Шестого сектора осталось черным, с одной подписью и без лица.

Ровно в девять в центре экрана открылось большое окно, и все маленькие разом съежились. Лицо было то же, что в новостях в ноябре. Широкое, сытое, уверенное, с румянцем после праздников и с той особой гладкостью, которую дает хорошая жизнь. Прохоренко сидел в кабинете с высокими окнами, за спиной у него висел на стене старинный корабельный барометр в латунном корпусе.

— Доброе утро, коллеги. С наступившим, — начал он. — Знаю, что многие из вас меня уже видели. Кое-кто даже заранее.

По окошкам прошел вежливый смешок. Алекс не засмеялся.

Говорил Прохоренко долго, речью, как говорят люди, привыкшие к трибуне. О том, что Служба входит в новое время. О том, что у страны есть преимущество, которого нет ни у кого в мире, и это преимущество надо беречь. О том, что дисциплина в «Конторе» хромала, а теперь наладится. Слова были гладкие и тяжелые, как булыжники мостовой.

— Мне докладывали, что силовики зовут вас синоптиками, — сказал он, и в голосе появилась теплая насмешка. — Я считаю, хорошее слово. Честное. Синоптик говорит: завтра дождь, вероятность семьдесят процентов, — и все берут зонтики. Никто не спрашивает его, откуда он знает. — Он постучал пальцем по стеклу барометра за спиной, не оборачиваясь. — Но есть одно правило. Прогнозы в этой стране дает Служба. Только Служба. Синоптик, который рассказывает про погоду на базаре, — это уже не синоптик. Это гадалка.

Барометр за его спиной, Алекс это заметил, показывал «переменно». Жест был рассчитан на одну секунду и сработал: в окошках закивали.

Все это время Прохоренко смотрел прямо в камеру. Алекс ждал хоть чего-нибудь. Тяжести, как той весной, когда кто-то сильный и спокойный отвлекал его мелочами. Взгляда в затылок. Досады на краю картинки. Ничего не было. Обычный человек на обычном экране смотрел в обычную камеру, и от этого становилось только непонятнее.

Совещание кончилось через сорок минут. Окошки гасли одно за другим, и последним погасло большое. У Прохоренко теперь были лицо и голос, и Алекс знал, что ночью будет о них думать.

В «Конторе» было много правил, и большинство из них Алекс нарушал не задумываясь. Свитер вместо пиджака, ноги на столе, отчеты через день. Но одно правило не нарушал никто, хотя его нигде не записали: на заказчика не смотрят. Говорили, что один дивинатор из соседнего сектора однажды посмотрел, чего на самом деле хочет его заказчик, и через месяц уже разбирал бумаги в архиве, без допуска и без заданий.

Правило Алекса никогда не тяготило. Он и сам не хотел знать, чего на самом деле хочет страховая компания, партия или бизнесмен, которого он спасает, — хватало того, что видишь по делу. Весной, в деле Ремезова, он угадал заказчика по серебряному щиту на папке, а Хак только подтвердил. Алекс до сих пор не мог решить, рад ли он, что узнал. Но теперь заказчик стал начальником всей Службы. Человек, у которого «меры не требуются», а благодарность приходит за пустое место, сидел над шефом, над Стоймовым и над ним самим. Не смотреть на такого было все равно что ехать ночью без фар.

Ночью Алекс лег на диван и долго лежал с открытыми глазами. Потом закрыл их и вызвал в памяти лицо с экрана: румянец, гладкую улыбку, палец, постукивающий по латунному барометру. Держать в голове чужое лицо было трудно, оно расплывалось, как отражение в луже. Но для того, чтобы зацепиться, хватило и этого.

Комната пришла не сразу. Сначала свет — желтый, теплый, от настольной лампы под зеленым абажуром. Потом стол, длинный, темный, с потертым сукном. Над столом склонились

несколько человек, плечом к плечу, и смотрели вниз так внимательно, как смотрят хирурги в операционной. Лиц Алекс не

видел

: только затылки, плечи, руки, белые манжеты.

На столе лежала книга. Старая, толстая, рукописная, с желтыми листами, края которых обтрепались и потемнели. Почерк был мелкий, наклонный, с длинными хвостами у букв. Алекс смотрел на строки, как смотрят на воду: видел, что они есть, видел, как они бегут, но прочесть не мог ни слова. Текста он не

видел

никогда. Зато отчетливо, как на фото высокого разрешения, разглядел кляксу на углу листа. Старую чернильную кляксу с брызгами, похожую на кошку, свернувшуюся клубком.

Чья-то рука в белой манжете взялась за угол листа и перевернула страницу. Медленно, осторожно, как переворачивают что-то очень дорогое. Сухо прошуршала бумага, и это был единственный звук во всей картинке. Люди над столом подались вперед. Кто-то из них медленно выдохнул, как выдыхают, когда долго ждали и наконец дождались.

Прохоренко в картинке не было. Алекс чувствовал его где-то рядом, за краем света, в той темноте, куда не доставала лампа. Там кто-то стоял и ждал. Алекс потянулся туда, к краю, попробовал удержать картинку и развернуть ее. В ту же секунду под ним скрипнул диван, а стол в другом конце кабинета ответил долгим стоном привинченных ножек. Картинка поплыла. Он отпустил. Стол замолчал, банка в углу звякнула в последний раз. Свитер, который успел сползти со спинки кресла, лег на пол и затих.

Алекс лежал в темноте и пытался разобраться в том, что увидел. Люди над книгой, клякса, рука, переворачивающая страницу, и ничего, что требовало бы предупреждения. Но одно он понял: он

видел

. Значит, в этой партии Прохоренко слабее его. Сильнее был тот, весенний, без лица и без тяжести, которого он так и не нашел на чердаке. А этот — нет. Что именно он видел, Алекс не понимал. Книга не была похожа ни на бухгалтерию, ни на секретный доклад. Скорее на что-то музейное.

Через неделю Хак вышел на связь сам, без приглашения. Алекс не сразу его узнал. Лохматой гривы, которую Хак не стриг, кажется, со студенческих лет, больше не было. Аккуратная короткая стрижка открыла уши, которые оказались неожиданно большими, и лоб, на котором теперь было видно каждую морщину. Хак выглядел растерянным и смешным: точь-в-точь как в ту ноябрьскую ночь, когда Алекс впервые заглянул на годы вперед.

— Не смейся, — сказал Хак.

— Я не смеюсь. Я тебя

видел

таким еще в ноябре.

— Мог бы предупредить. — Хак провел ладонью по затылку, как будто проверял, на месте ли голова. — Я бы морально подготовился. Ты новости читал?

Алекс читал. Поправку к статье о прогнозировании приняли тихо, между праздниками, без шума и обсуждения. Две новые части. Вторая — распространенное предсказание, повлекшее жертвы. Третья — то же самое, совершенное группой лиц или с тяжкими последствиями. В разъяснениях было сказано, что наказывается распространение. Формулировки были широкие, как ворота: доказывать, что жертвы «повлекло» именно предсказание, не требовалось.

— Обратной силы у нее нет, — сказал Алекс. — За ускоритель нам ничего не будет.

— За ускоритель — нет. — Хак наклонился к камере. — А за следующий пост? Мы его писали втроем: ты, я и Мила. Это уже группа лиц, третья часть.

— Ты поэтому подстригся?

— Решил: на суде за аккуратность мне скостят срок. — Хак попробовал улыбнуться и не смог. — Я хочу удалить канал. Совсем. Чтобы его не было.

— Удалишь — значит, было что удалять, — сказал Алекс. — Сейчас «Провидец» просто молчит. Мало ли каналов молчат. А канал, который удалили через неделю после поправки, сразу начнут искать.

Хак долго смотрел на него с экрана. За его спиной мигали три монитора. На одном, Алекс разглядел, была открыта статистика подписчиков: двести с лишним тысяч человек, которые до сих пор ждали.

— Прохоренко знает, кто ведет? — спросил Хак тихо.

— Не знаю.

Это была правда. Алекс прикинул еще в ту ночь, после комнаты с книгой. Если бы Прохоренко знал про Хака, ему не нужна была бы поправка. Хватило бы одного разговора в коридоре. А он закинул сеть сразу на всех: на «Провидца», на «Азимут», на всех, кто когда-либо что-то публиковал. Сеть закидывают, когда не знают, где рыба.

— Тогда молчим, — сказал Хак. — Просто молчим. Я ничего не публикую, ты ничего не видишь, Мила ничего не пишет.

— И еще. — Хак замялся. — Лампы у стены Шестого лопаются каждую ночь. Электрик уже не меняет, говорит, бесполезно. Приказов смотреть нет, я проверяю каждое утро. Там смотрят, Алекс. Много и одновременно. Я по детекторам вижу, как у них там по ночам светится, будто новогодняя елка.

— Куда смотрят?

— Если бы я знал. — Хак невесело усмехнулся. — Я бы это продал. Тебе, бесплатно.

Он отключился первым. «Провидец» молчал и дальше: ни поста, ни строчки, ни даже картинки с котом.

Вечером Алекс задержался в приемной. Анна Владимировна закрывала шкаф, складывала тетради, гасила настольную лампу. Она посмотрела на него, стоящего у двери в свитере и куртке, и спросила то же, что спрашивала каждый вечер:

— Записать что-нибудь?

— Нет, — сказал Алекс.

— Тогда до завтра, — сказала она и повесила сумку на руку. Задержала на нем взгляд на секунду дольше обычного, но больше ничего не сказала. Алекс понимал почему. За годы работы он привык думать вслух: о деле, о шефе, о людях в своих картинках. Анна Владимировна записывала все, и это было удобно, потому что его собственная память после каждого видения превращалась в решето. Теперь думать вслух он перестал. То, что он знал о Прохоренко, — спокойное «так и думал», «меры не требуются», люди над книгой, клякса, — он не говорил никому. Ни Хаку, ни Миле, ни Анне Владимировне.

Держать это в голове было трудно. Каждый вечер он перебирал свой список вопросов, как перебирают четки. Почему Прохоренко благодарил за то, что Алекс ничего не нашел? Почему «меры не требуются»? Через кого уходит канал шефа? Что за книгу читают люди под зеленой лампой? Вопросов становилось больше, а ответов не было. Иногда он ловил себя на том, что не помнит четвертый вопрос, и пугался так, словно потерял ключи от дома. Потом вспоминал и снова начинал сначала, загибая пальцы.

Мила позвонила ночью. Голос у нее был усталый, но насмешливый, как всегда, когда новости плохие.

— Читала твою поправку, — сказала она.

— Она не моя.

— Знаю. — Мила помолчала. — Для меня это то же самое, что для Хака, Синоптик. Только без маски. «Азимут» три года работал под своим именем, все прогнозы лежат в открытом доступе, с датами и подписями. Хак может молчать, и никто не узнает, что это был он. А меня знают все, кому надо.

— Тебя не тронут. Ты в «Конторе».

—

Пока

в «Конторе», — сказала Мила и сразу же заговорила о другом: о Гоше, который купил новую каску, о трещине в окне, похожей теперь на карту метро.

Алекс слушал и не перебивал. Про «пока» он так и не спросил, и Мила, кажется, была ему за это благодарна.

Глава 5 Пустые трибуны

Первый из трех матчей приходился на субботу. В пятницу вечером Алекс отпустил Анну Владимировну, хотя она, как всегда, собиралась остаться, и попросил Михаила сесть прямо у двери кабинета. Свитер он надел толстый, бронежилет — тяжелый, «панцирь», как когда-то летом. Михаил посмотрел на бронежилет, на Алекса, ничего не спросил и принес из машины каску.

Смотреть пришлось в упор. Арена была на месте, такая же, как в декабре. Только теперь Алекс стоял к ней так близко, что чувствовал запах мокрого асфальта у входа. На парковке еще шел снег. Крупный, тяжелый, он падал отвесно, без ветра, и сугробы вдоль рядов машин стали выше, чем в прошлый раз. На крыше арены лежала белая шапка, толстая, как перина. Трактора не успевали: снег валил всю ночь и весь день, и матч начинался сразу после него. Это была новая деталь. Алекс вцепился в нее, как в поручень. В декабре снег лежал на крыше, а сейчас он еще падал. Значит, кровля рухнет сразу после большого снегопада.

Он открыл глаза. Стол стоял на месте, но свитер, который он бросил на кресло, уже висел под потолком. Алекс дотянулся до компьютера и сделал то, чего не делал никогда за все годы работы. Открыл обычный прогноз погоды по Великим озерам, тот самый, который смотрят люди перед поездкой на дачу. Сайт долго грузился, предлагал подписаться на рассылку и показывал рекламу зимних шин. Карты, облачка, синие стрелки, проценты. Снегопад синоптики давали на завтра, на весь день и вечер, — сильный, с предупреждением для водителей. На две следующие недели обещали мороз и ясное небо.

Одна ночь из трех. Алекс посмотрел на облачко со снежинками, нарисованное над городом, которого никогда не видел, и хмыкнул. Потом написал шефу дату и час: суббота, вечерний матч, минут через сорок после начала.

Вещи взлетели с первой минуты, едва он нажал «Отправить». Свитер шлепнулся о мягкую стену, кресло рвануло на привинченных ножках, плед слетел с дивана и накрыл стол, как скатерть, а банка в углу загремела, как бетономешалка. Михаил вошел без стука, в каске, и встал у стены, глядя, что полетит следующим.

Boss:

Ушло.

Больше шеф ничего не написал. Алекс сидел посреди своего маленького урагана и смотрел на одно слово в чате. Плед сполз на пол, свитер сполз по стене обратно в угол, а он все смотрел.

Матч начинался в семь вечера по их времени, у Алекса это была глубокая ночь. Хак вышел на связь сам, в одиннадцать, и с тех пор не отключался. Новую стрижку он то и дело трогал рукой, как трогают свежий шрам. На одном его мониторе шла лента новостей, на дру-

гом карта детекторов, на третьем — прямая трансляция с местного телеканала, где пока показывали только снег.

— Тишина, — докладывал Хак каждые десять минут. — Снег, пробки, тишина.

Потом, между докладами, сказал, не отрываясь от карты:

— А вчера ночью у тебя тут полыхнуло. Над городком, по всем детекторам, как в октябре на ускорителе. Я такого от одного человека еще не видел. — Он покосился на Алекса. — Ты бы поаккуратнее. Детекторы ведь не только у нас стоят. Половину этих счетчиков собирают на тех же фабриках, что и американские.

За два часа до начала лента дернулась. Анонимный звонок в полицию: в здании арены заложена бомба. Хак прочитал вслух, сбиваясь, и вывел трансляцию на весь экран. Люди выходили из стеклянных дверей, медленно, недовольно, многие в темных футболках хозяев поверх курток. Полицейские махали фонарями. Надувной снеговик у входа лежал на прежнем месте, и кто-то из выходящих сердито пнул его ногой.

Алекс достал из ящика лимон, повертел в руках и надкусил. Привычка, ничего больше: кислое помогало не думать о том, о чем думать было бесполезно.

Матч отменили. Трибуны стояли пустые, парковку оцепили. Через сорок минут после несостоявшегося первого вбрасывания кровля легла на арену. Камера телеканала стояла далеко, за оцеплением, и снимала через снег. Сначала прогнулась белая шапка на крыше, потом она медленно ушла вниз, и над ареной поднялось облако снежной пыли, подсвеченное прожекторами. Звука в трансляции не было, только голос корреспондента, который вдруг замолчал на полуслове. Ночью показали съемки изнутри, с дрона пожарных. Смятые ряды голубых кресел, куб с экранами, лежащий на льду, как упавший фонарь. Снег на льду. И ни одного человека.

— Ни одного, — повторил Хак. — Охранник порезал руку, когда выбегал. Все.

Он помолчал, глядя на экран, и сказал совсем другим голосом, медленно, с удовольствием:

— Не наша юрисдикция.

Алекс засмеялся впервые за неделю. Потом перестал. Кровля рухнула так, как он видел во всех вариантах: медленно, как мокрая простыня, вместе с кубом. Изменить удалось только трибуны. Он вспомнил свои слова Хаку в декабре и подумал, что раньше говорил «редко» наугад. Теперь он видел, как это выглядит.

Ответ пришел через сутки, в гараже. Пневмолифт поднял его до середины шахты и встал. Капсула качнулась, лампа над головой мигнула и погасла, и Алекс просидел в темноте двадцать минут, слушая, как снаружи ругаются техники. Потом капсулу опустили обратно, вручную, рывками, и выпустили его в гараж. Михаил ждал у самых дверей, в каске, в бронежилете, и оглядывал гараж, потолок и ряды машин.

Алекс сделал два шага к лестнице, и тут чья-то машина в дальнем ряду, черная, незапертая, тихо снялась с ручника и покатилась под уклон. Покатилась прямо по проходу, набирая скорость, к тому месту, где они стояли. Михаил не бросился ей наперерез. Николаич вбивал это в своих учеников годами, Федор заплатил за урок Мишиной ногой: хаос не останавливают, его дожидаются. Михаил стоял, чуть согнув колени, и ждал, куда машина ударит.

Алекс шагнул в сторону. Он не знал зачем. Просто тело само решило, что стоять там, где он стоял, нельзя, и переставило его на метр левее, к бетонной колонне. В ту же секунду на место, где он только что был, рухнула секция вентиляционного короба. Длинная жестяная труба висела под потолком гаража все два года, что он сюда ездил. Грохот прокатился по бетону. Машина, вильнув, ударилась бампером в короб, развернулась и встала, уткнувшись в колонну с другой стороны.

Стало тихо. Только капала где-то вода и тикал остывающий мотор. Из будки у въезда выскочил охранник, увидел Михаила в каске и короб на полу, махнул рукой и ушел обратно

звонить техникам. В этом гараже к таким вещам привыкли быстрее, чем к новым правилам парковки.

Михаил сделал все по учебнику. Подошел к машине, заглянул в салон, вынул ключ, забытый хозяином в замке, и поставил ее на ручник. Потом осмотрел короб, отодвинул его ногой с прохода и только после этого повернулся к Алексу.

— Цел?

— В основном.

— Ты отошел, — сказал Михаил. Он смотрел на Алекса внимательно, как смотрят на человека, который сделал что-то не то. — До того, как упало.

— Отошел, — согласился Алекс. Объяснить он не мог. Картинки не было, никакого видения, даже вспышки. Было только чувство, будто кто-то тронул его за плечо и сказал: «Не здесь».

Михаил еще постоял, глядя на колонну, у которой Алекс теперь стоял. Потом пожал плечами, как пожимают перед погодой, которую не изменишь.

— Николаич скажет, повезло, — буркнул он.

— Николаич скажет, что везения не бывает, — ответил Алекс. — И будет прав.

Удар был большой: машина, короб, лифт — все сразу, и все на него одного. Хаоса меньше не стало. Он был цел по другой причине: теперь он сам, пусть вслепую, отчасти чувствовал, как уклониться. Уровень, о котором шеф писал в ноябре, начинал работать и на него тоже.

Утром было видеосовещание. Прохоренко появился на экране в том же кабинете, перед тем же латунным барометром, и говорил о бюджете, о новых кадрах, о дисциплине. Об арене он сказал между делом, на середине фразы, как говорят о погоде за окном.

— В Америке, кстати, вчера упала кровля, — сказал он. — Хоккейная арена. Кто-то позвонил им про бомбу, людей вывели. Кровля рухнула, люди живы. Как и ожидалось.

И пошел дальше, к закупкам оборудования. В окошках никто даже не шевельнулся. Для руководителей секторов это была новость из чужой страны, одна из многих, — где-то упала крыша, где-то никто не погиб. Окно Шестого сектора по-прежнему было черным. Алекс сидел в своем окошке и не мог пошевелиться. Он ждал ярости. Ждал, что Кирилл придет и спросит, кто позвонил в американскую полицию. Ждал хотя бы холодного взгляда в камеру, хотя бы паузы. Прохоренко не спросил, кто предупредил. Не вспомнил «меры не требуются». Он был спокоен, как человек, который прочитал последнюю страницу детектива раньше всех и теперь смотрит, как остальные гадают.

«Как и ожидалось». Ожидалось кем? Прохоренко отказал в мерах и не мог знать, что людей выведут. Алекс и сам узнал это только в ночь перед матчем. А Прохоренко говорил как человек, который знал с самого начала. Прочитал где-то, чем кончится, и теперь просто ставил галочку.

После совещания Алекс открыл чат с шефом и долго смотрел на пустую строку. Спросить было нечего: шеф наверняка и сам смотрел совещание. «Ушло» — и все. Ни поздравления, ни вопроса, ни слова о том, что Прохоренко назвал «ожидаемым» то, что Алекс неделю выцарапывал из снега и прогноза погоды.

Прохоренко не злился, и это пугало сильнее любой злости: кто-то, не будучи дивинатором, знал будущее точнее, чем Алекс.

Таня пришла ночью. Алекс сидел в кабинете один, без радио, и смотрел на окно-экран, где во дворе мело. Он не слышал, как она появилась. Просто повернул голову, а она уже сидела на диване, на пустом месте между подушкой и пледом, как в тот самый первый вечер. Белый сарафан, белые туфельки, тринадцать лет, ни днем больше.

— Как прошло дело? — спросила она.

Алекс поморщился. Тишины не было: где-то за стеной гудела вентиляция, внизу хлопнула дверь, свитер в углу лежал как лежал, и шары в банке лениво позвякивали. Значит, это была просто Таня. Его Таня, его отражение, его усталость, которая разговаривает детским голосом.

— Нормально, — сказал он. — Таня, ты бы побегала, что ли. Чего тебе тут сидеть?

— Врешь, — спокойно сказала Таня.

— Ну да, вру. — Алекс откинулся на спинку кресла. — Люди живы. Кровля упала, как я и видел. Все сделано правильно, и все равно...

— Все равно он знал раньше тебя, — закончила Таня. Она болтала ногой в белой туфельке и смотрела на него с тем выражением, с каким дети смотрят на взрослых, которые не понимают очевидного. — Ты смотрел, мучился, погоду читал. А он просто

знал

.

— Это я сам себе говорю, — сказал Алекс. — Ты же мое отражение. Ты ничего не знаешь, кроме того, что знаю я.

— Ну и что, — сказала Таня. — Ты же это знаешь.

— Я не знаю, откуда он знал.

— Может, в конце подсмотрел. — Таня пожала плечами, как будто это было самое простое на свете. — Как ты в задачнике, помнишь? Сначала смотришь ответ, а потом решаешь так, чтобы сошлось.

Он не нашел, что ответить. Логика у нее, как всегда, была непрошибаемая. Таня пришла, а значит, дело прошло не так уж хорошо. Люди живы, трибуны пусты, Хак смеется, шеф пишет «ушло». А где-то впереди сидит человек, который знает больше, и смотрит на всех, как на героев давно дочитанного детектива.

Глава 6 За штатом

Окно в кабинете Алекса было не окном. Экран в раме, с жалюзи для приличия, показывал двор «Конторы» с одной и той же камеры. Ту же картинку видели все кабинеты всех корпусов. За два года Алекс выучил этот двор наизусть: дорожку от корпуса к корпусу, скамейку, на которой никто не сидел, фонарь, который мигал по четвергам. В конце января двор стал белым и пустым, как лист бумаги, и Алекс смотрел на него, когда не хотел смотреть ни на что другое.

В тот день он смотрел на экран минут десять, прежде чем понял, что видит. Из соседнего корпуса, через двор, вышли двое. Мила в сером пуховике несла картонную коробку. Гоша шел рядом в каске, с двумя коробками, поставленными одна на другую так высоко, что из-за них торчал только шлем. Они шли медленно, по расчищенной дорожке, к проходной. Мимо скамейки, мимо мигающего фонаря, мимо будки Зинаиды, которая выглянула в окошко и что-то им крикнула. Мила кивнула ей и пошла дальше.

Алекс встал. Он даже сделал шаг к двери, прежде чем вспомнил. Выйти было нельзя. Если он спустится во двор и подойдет к ней, у Милы в коробке полопаются все стекла, у него над головой взорвется фонарь, а Гоша будет тушить снег огнетушителем. Рядом им было нельзя. Так было всегда, и никакие коробки этого не меняли.

На полпути к проходной Мила остановилась и подняла голову. Она смотрела прямо в камеру, туда, где под козырьком корпуса висел маленький черный глаз, который показывал двор всей «Конторе». Она знала, что это только камера. Знала, что ее видят сейчас десятки людей в десятках кабинетов. И все-таки подняла руку и помахала, коротко, как машут из окна поезда. Алекс поднял руку в ответ. Экран, конечно, ничего не передал. Мила опустила руку, перехватила коробку поудобнее и пошла к проходной. Гоша шагал за ней, покачиваясь под своей башней. Охранник открыл им турникет. Через минуту двор снова стал пустым и белым, как лист бумаги, на котором кто-то начал писать и передумал.

Она позвонила ночью, как обычно, только голос был другой. Не усталый — легкий, почти веселый, и от этого Алексу стало не по себе.

— Меня вывели за штат, — сказала Мила.

Он сел на кровати. Он знал это с обеда, с той минуты, когда она помахала камере, но услышать было другое.

— За что?

— Кирилл сказал — за выборы. — Мила хмыкнула. — Он, представь, сам пришел и очень вежливо объяснил, что должности у меня больше нет, пропуск урезан до жилой зоны, а жить в городке мне разрешили до весны, чтобы не на мороз. Статья, конечно, остается. Работать мне нельзя, ни на кого и ни за какие деньги. Дело можно открыть в любой момент, если я что-нибудь кому-нибудь предскажу. Даже Гоше про погоду.

Алекс молчал. Кирилл сказал «за выборы», и это было похоже на правду. Но в пятницу ночью Алекс отправил шефу предупреждение об арене, через голову Кирилла, наперекор «мерам не требуются». А в понедельник Прохоренко назвал арену «ожидаемой». Еще через неделю Милу вывели за штат. Выборы или арена, ее отказ или его непослушание — Алекс не знал. Знал только, что спрашивать Милу нельзя: она догадается, о чем он думает, раньше, чем он договорит.

— Ты молчишь, — сказала Мила.

— Думаю.

— Не думай, Синоптик. — Она помолчала. — Знаешь, я рада. Честно. Пожалуй, это лучший выход. Без «Конторы». Три года я смотрела выборы для «Азимута», потом почти полгода смотрела все подряд для вас. Теперь мне можно не смотреть вообще. Буду жить, как люди живут. Без дара.

— Под статьей.

— Под статьей, — согласилась Мила. — У нас полстраны под статьей ходит. Буду приличной гражданкой с неснятым подозрением. Не самое плохое общество, между прочим.

Он хотел спросить про Гошу и не успел.

— Гоша ушел сам, — сказала она, как будто услышала. — Написал рапорт в тот же день. Сказал, что без меня ему в «Конторе» делать нечего, огнетушитель он и дома повесит. — Голос у нее стал чуть тише. — Я его не просила.

Алекс долго не мог заснуть после звонка. Прохоренко не тронул его самого. Не отстранил, не урезал допуск, даже не прислал Кирилла с вежливым выговором. Он просто вывел Милу за штат и оставил ей статью. Чистая работа. Без всякой расправы, без единого грубого слова, и при этом каждую ночь Алекс теперь будет знать, что дело Милы лежит где-то в столе и ждет.

Утром Гоша пришел в гараж сдавать казенное. Алекс спустился, когда нейтрал уже раскладывал имущество на капоте служебной машины перед Михаилом. Резиновые перчатки до локтя. Порошковый огнетушитель с облезлой наклейкой. Каска, исцарапанная так, что на ней не осталось ни одного гладкого места. Банку со стеклами сдавать не пришлось: ее еще накануне увезли из квартиры Милы техники Шестого сектора, вместе с последней мутной кассетой. Михаил принимал все молча, по описи, ставил галочки в планшете.

— Защитные очки тоже сдаешь? — спросил Михаил.

— Очки мои, — сказал Гоша. — Я их сам покупал.

Михаил кивнул и вычеркнул очки из описи.

Алекс стоял у колонны и смотрел на Гошу. Смотреть было легко, как на любого человека слабее себя: картинка пришла сама, без усилия, едва он прикрыл глаза. Кухня. Чужая, незнакомая, с высоким потолком и старой лепниной под ним. Большое окно, за окном дождь. На стене у двери висит огнетушитель, красный, новенький. Гоша стоит у плиты в клетчатом

фартуке и что-то помешивает в кастрюле, сосредоточенно, как на задании. Больше в картинке ничего не было. Алекс открыл глаза и усмехнулся. Гоша в фартуке — это было неожиданно и смешно, как медведь на велосипеде. Что это за кухня и в каком городе, он не понял и разбираться не стал. Хорошая картинка, мирная. Таких у него в последнее время было мало.

— Ты что? — Гоша подозрительно посмотрел на него.

— Ничего. — Алекс покачал головой. — А тебе статья не грозит? Ты ведь тоже из «Конторы» уходишь, а дар никуда не денется.

— Я теперь не по работе, — сказал Гоша. Он снял с капота последнюю вещь, моток огнеупорной ленты, и отдал Михаилу. — Телохранитель частного лица. Это не «услуги прогнозирования», я у юриста узнавал. Я никому ничего не предсказываю. Я просто стою рядом и ловлю, что падает.

Миша и Гоша пожали друг другу руки, коротко и крепко, как пожимают руки люди одной профессии. Гоша ушел, не оглядываясь. Михаил посмотрел ему вслед, потом на Алекса.

— Хороший был нейтрал, — сказал он.

— И будет, — ответил Алекс. — Только не по работе.

Через неделю Хак вызвал его по видеосвязи в неурочное время, в восемь утра, когда Алекс еще не допил чай. Новая стрижка уже немного отросла, но Хак все равно то и дело проводил ладонью по затылку.

— Пришел запрос, — сказал он без приветствия. — Официальный, по линии сотрудничества в борьбе с терроризмом. От американцев. Мне его скинули на анализ, потому что там есть что анализировать.

Он развернул на экране документ, сухой, на двух языках, с гербами и номерами. Алекс читал медленно, с трудом продираясь сквозь канцелярский перевод. С ноября в Америке произошло четыре нападения без мотива. Торговый центр, заправка, кафе, школьная парковка. Стрелки — разные люди, спокойные, без истории, без связей между собой. Ни один не объяснил, зачем стрелял. Американская сторона просила помощи в установлении возможных источников информации о подобных событиях.

— Ты дальше читай, — сказал Хак. — Там самое интересное.

Дальше шла арена. Американская сторона отмечала, что обрушение кровли в январе обошлось без жертв благодаря анонимному предупреждению. Предупреждение было точным по дате и времени. Источник предупреждения установить не удалось. Американская сторона полагала, что источник обладает информацией, полезной для предотвращения нападений.

— «Обладает информацией», — повторил Хак. — Это они так вежливо пишут «того русского». Смотри.

Он убрал документ и вывел карту. Темный глобус, утыканный серыми точками детекторов. Хак увеличил Европу, потом Россию, потом Подмосковье. Над городком «Конторы» висело пятно. Яркое, оранжево-белое, в ночь с пятницы на субботу. В ту самую ночь, когда Алекс открыл прогноз погоды по Великим озерам.

— Это их карта, — сказал Хак. — Не наша. Они ее приложили к запросу, для убедительности. Ты понимаешь? Они нас видят так же, как мы их. Счетчики, терминалы, камеры, все те же фабрики. Они ловили сильное предсказание и поймали тебя. Через сутки им позвонили про бомбу. Складывать два и два они умеют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.